

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 37 : 004 : 008

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-109-121>

Т. С. Паниотова

Южный федеральный университет, Россия

e-mail: tspaniotova@mail.ru

А. А. Айвазян

Южный федеральный университет, Россия

e-mail: aivazova.anait@mail.ru

Аннотация: Экспоненциальный рост технологий провоцирует ряд социокультурных трансформаций, где наиболее актуальным представляется вопрос об образовании и его роли в жизни современного человека. Цифровая эпоха с ее беспрецедентными технологиями делает мир повседневности всё более комфортным, перестройка границ повседневности и захват ею других миров опыта отражается в том числе и на структуре образования. Образование сегодня вмещается в рамки нашей повседневности, online обучение не требует выхода из зоны домашнего комфорта, а также даёт возможность человеку находиться в процессе перманентного обучения, делая образование более мобильным и доступным. В связи с этим меняется место образования в жизни современного человека, искажается роль преподавателя, а также студента/ученика в образовательных процессах, особенно ярко эта проблема выразилась в условиях пандемии COVID-19. Ряд исследователей заостряют своё внимание на том, что именно сфера образования нуждается в радикальных реформах и разрушении консервативных образовательных стандартов, оправдывая это тем, что старая система не жизнеспособна и не реагирует на современные запросы общества. Другие же отмечают, что подобные трансформации губительны для подрастающего поколения, и уже в ближайшее время мы рискуем получить «машинизированных» выпускников, которые будут лишены какого-либо творческого начала. В рамках данного исследования цифровое образование рассматривается в контексте культуры повседневности. Сегодня очевидно, что «оповседневнивание» всех сфер человеческой жизнедеятельности стало частью новой культурной парадигмы.

ПАНИОТОВА ТАИСИЯ СЕРГЕЕВНА – Профессор, доктор философских наук Южного федерального университета Института философии и социально-политических наук

АЙВАЗЯН АННА АРАРАТОВНА – аспирантка Южного федерального университета Института философии и социально-политических наук, специальность – 51.06.01 Культурология, профиль – теория и история культуры

PANIOTOVA TAI SIYA SERGEEVNA – Professor, Doctor of Philosophical science of the Southern Federal University of the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences

AYVAZYAN ANNA ARARATOVNA – postgraduate student of the Southern Federal University of the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, specialty – 51.06.01 Culturology, profile – theory and history of culture

© Паниотова Т. С., Айвазян А. А., 2022

Ключевые слова: повседневность, цифровое образование, образование, цифровой человек, цифровая культура, обыденность, дистанционное образование, онлайн образование.

Для цитирования: Паниотова Т. С., Айвазян А. А. Цифровизация образования в контексте культуры повседневности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 3 (107). С. 109-121. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-109-121>

DIGITALIZATION OF EDUCATION IN THE CONTEXT CULTURE OF EVERYDAY

Taisiya S. Paniotova

Southern Federal University, Russia

e-mail: tspaniotova@mail.ru

Anna A. Aivazian

Southern Federal University, Russia

e-mail: aivazova.anait@mail.ru

Abstract: The exponential growth of technology provokes a number of sociocultural transformations, where the most relevant issue is education and its role in the life of a modern person. The digital age with its unprecedented technologies makes the world of everyday life more and more comfortable, the restructuring of the boundaries of everyday life and its capture of other worlds of experience, is also reflected in the structure of education. Education today fits into the framework of our everyday life, online learning does not require leaving the home comfort zone, and also enables a person to be in the process of permanent learning, making education more mobile and accessible. In this regard, the place of education in the life of a modern person is changing, the role of a teacher, as well as a student / student in educational processes is being distorted, this problem has become especially pronounced in the context of the COVID-19 pandemic. A number of researchers focus their attention on the fact that it is the education sector that needs radical reforms and the destruction of conservative educational standards, justifying this by saying that the old system is not viable and does not respond to the modern demands of society. Others, however, note that such transformations are detrimental to the younger generation, and in the near future we are at risk of getting “machine” graduates who will be devoid of any creativity.

Within the framework of this study, digital education is considered in the context of the culture of everyday life. Today, it is obvious that the “everyday life” of all spheres of human life has become part of a new cultural paradigm.

Keywords: everyday life, digital education, education, digital person, digital culture, distance education, online education.

For citation: Paniotova T.S., Aivazyan A.A. Digitalization of education in the context of the culture of everyday life. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 109-121. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-109-121>

Введение

Сегодня мы не просто вступили в цифровую эпоху: мы уже живем в цифровой зависимости, о чем свидетельствуют, например, следующие факты: в 2018 году каждые 60 секунд появлялись 3,7 миллиона поисковых

запросов в Google, 38 миллионов отправленных сообщений в WhatsApp, 18 миллионов текстов, 481000 твитов и 187 миллионов электронных писем (Desjardins, 2018). С другой стороны, СМИ ежедневно напоминают о все новых и новых технологических прорывах,

среди которых искусственный интеллект AI (artificial intelligence), интернет вещей (Internet of Things, IoT), смешанная реальность MR (mixed reality), виртуальная реальность VR (virtual reality), дополненная реальность (AR), расширенная реальность XR, под которой понимают объединение AR- и VR-технологий. Иммерсивные технологии (immersive – «создающий эффект присутствия, погружения») все активнее завоевывают современное культурное пространство.

На фоне перечисленных инноваций мутируют все формы человеческой организации, и один из важнейших пунктов, который сегодня поддается изменениям и по совместительству нуждается в них, – это сфера образования. Стоит отметить, что в цифровых реалиях – на фоне развития современных технологий, создания виртуальной рабочей среды, виртуального мира в целом – всё более расширяет свои границы сфера повседневности. Отныне повседневность включает в себя и другие «миры опыта». «Дистанционная» работа очень легко встраивается в рамки домашней обыденности, как и многие другие области человеческой жизнедеятельности. Исключением не стал мир образования.

Ещё в конце XX века был очевиден для исследователей кризис системы образования и необходимость её трансформации, которая по своей масштабности была бы сопоставима с градусом кардинальных перемен в социокультурной среде. Как отмечал Э. Тоффлер, система образования является основополагающим фундаментом для развития и укрепления нового типа общества. Э. Тоффлер настаивал, что консервативность образования и его неповоротливость губительна для общества. В связи с экспоненциальным ростом технологий и происходящими трансформациями в культуре становится абсолютно очевидным необходимость переоценки образовательных стандартов и создание их новых форм. Однако насколько человечество готово подойти к конструктивному решению этого важного вопроса? И каковы тенденции развития современного образования? И, на-

конец, какой сейчас статус сферы образования в жизни современного «цифрового» человека?

Исследователи отмечают, что никогда прежде, до наступления цифровой эпохи, не было создано столько прорывных инноваций за такой короткий промежуток времени. В доме и на работе мы окружены услугами и продуктами, которые заставляют нас жить, учиться, работать и наслаждаться свободным временем способами, радикально отличающимися от тех, что существовали несколько лет назад, и, тем более, от тех, которыми пользовались наши родители или предки. В современном обществе идеи, информация, знание, познание становятся все более доступными, близкими и непосредственными, но в то же время существуют сомнения, что они окажутся более долговечными, чем прежние.

Ведь мы, согласно Бауману, пребываем в текучем и изменчивом мире, который отличается от стабильного, устойчивого мира, в котором мы привыкли жить. В прежние времена на каждый вопрос существовал, как правило, один ответ, обычно получаемый от родителей, учителей, из книг, или (реже) из средств массовой информации. Сегодня любую информацию можно получить одним кликом мышки. Проблема, однако, в том, что на вопрос в поисковике мы получаем не один, а несколько вариантов ответа. Столкнувшись с таким разнообразием, бывает трудно отличить главное от второстепенного, фундаментальное от тривиального, истинное от ложного.

Баумановская «текучая современность» сопоставима с характеристиками, которые выражены аббревиатурой VUCA, появившейся в американской армии в ходе холодной войны и получившей еще более широкое распространение в 90-е годы (Reeves and Reeves, 2015). «VUCA-мир» – это представление о современном мире как о нестабильной, неоднозначной среде, в которой трудно делать точные прогнозы и строить расчеты на исполнение планов или достижение целей. Аббревиатура расширяется по первым латинским

буквам четырех основных угроз современного мира: V – volatility (нестабильность); U – uncertainty (неопределённость) C – complexity (сложность) A – ambiguity (неоднозначность).

Сегодня значения концепта VUCA-мир переносятся исследователями на всю совокупность обстоятельств и реалий цифровой эпохи. Цифровая среда характеризуется как нестабильная (изменения, ритм и скорости), неопределенная (непредсказуемость, ненадежность, неожиданность), сложная (множество факторов и причин, трудностей в понимании отличий между причиной и следствием, истиной и ложью) и неоднозначная (многозначная, неопределенная реальность).

Цифровые технологии меняют всё: социальные связи, способы деятельности, экономику, способы управления. Они вторгаются в сферу образования и мир повседневности. Недавний отчет Всемирного банка реконструкции и развития предупреждал о том, что в связи с технологическим прогрессом изменится характер рабочих мест. И дело не только в том, что в результате использования роботов сократится количество рабочих мест; технический прогресс приведет к изменению старых и появлению новых видов деятельности. Тоффлер еще полвека назад говорил, что целые отрасли промышленности будут умирать и на их месте возникать новые. Поэтому необходимо производить инвестиции в человеческий капитал, чтобы работники обретали новые навыки, которые будут востребованы на рынке труда. Технологии открывают новые возможности, убирают препятствия на пути создания новых рабочих мест, повышения производительности труда и внедрения эффективных общественных услуг.

В контексте реалий цифровой эпохи и новых вызовов (VUCA-мир), которые она с собой несет, важно определить хотя бы некоторые тенденции в сфере занятости. Это важно не только потому, что работа занимает большую часть нашей жизни, но и потому, что изменения в сфере образования в его прикладном аспекте непосредственно на ней замыкаются. Итак, что же нас ждет?

- Появятся новые рабочие места или трансформируются старые, для которых потребуются новые, как правило, цифровые навыки и компетенции.
- В следующие десятилетия многие процессы, выполняемые людьми, будут автоматизированы, и людей на рабочих местах заменят роботы. Что же касается работников, то им придется посвятить себя решению гораздо более сложных задач. «... через 40 лет от 50 до 70 % работников из производства будут убраны и заменены роботами. Сейчас исключительно роботами производится 10 % всех товаров, к 2025 г. прогнозируется 40 %. В зоне риска находятся не только “синие”, но и “белые воротнички”: пострадают управленцы, водители автомобилей, фармацевты, страховые агенты, продавцы, коллекторы» [13, с. 410].
- Рабочая среда станет еще более изменчивой, будет развиваться межпрофессиональное сотрудничество и вырастет количество смешанных профессий.
- Изменяющийся рынок труда потребует постоянной смены рабочих мест и вызовет необходимость постоянного обучения. Еще Тоффлер предсказывал, что люди в постиндустриальном обществе будут часто менять профессии.
- Профессии будущего – это не только инженеры и программисты. Не всё может быть автоматизировано, и многие профессии, пусть в измененном виде, по-прежнему будут необходимы. Прежде всего, это творческие специальности и те, где необходимы когнитивные способности, навыки критического мышления, сотрудничества, эмпатия.
- Компании при найме персонала откажутся от требования наличия высшего образования. Гарантией выполнения работы будет не специальность,

а приобретенные навыки и компетенции, а также – умение легко их приобретать.

- Не институализированное, неформальное обучение будет все более доступным через Интернет.
- Профессии, которые наиболее востребованы сегодня, скорее всего в будущем исчезнут либо существенным образом трансформируются.

В связи с этим встает вопрос: как в ситуации «текучей современности», где ничто не вечно и меняется с небывалой быстротой, строить учебный процесс? Для *какого* мира, *какого* общества и, главное, *как* учить школьников и студентов? Это серьезная проблема для педагогов, образовательных центров в целом и, конечно же, для органов государственной власти.

Человек цифровой эпохи

Дело в том, что изменилась не только среда, общество, но и, конечно же, сами люди – и учителя, и ученики. Современный человек принадлежит миру цифровой культуры, которая, как замечают саратовские исследователи Фролова и Листвина, совмещая архаичные и новейшие (в том числе цифровые) методы и формы коммуникации, «определяет выработку иного стиля поведения индивидов и вырабатывает иные институциональные установки повседневного бытия; отказывается от привычных форм занятости» [12, с. 409].

Чем живут наши дети, подростки и молодежь, посещающие школы, институты и университеты? В поколении, сформировавшемся в годы цифровой революции, Марк Пренски выделил страты «цифровых аборигенов» и «цифровых мигрантов». «Аборигены» первыми освоили цифровые технологии, «срослись» с ними и не мыслят без них свою жизнь; что касается «мигрантов», то для них цифровая среда не имеет первостепенного значения. Границей между этими поколениями Пренски определяет 1980 год. В 2011 году Уайт и Ле Корню предложили другие термины – «цифровые посетители» и «цифровые жители» (V&R).

Первые заходят в сеть только тогда, когда им это необходимо, вторые же практически «живут» в сети и вне ее себя не представляют. В свою очередь, М. Кастельс говорит о «первопоселенцах электронного пограничья» и «бродячей толпе», для которой выход в Интернет равнозначен освоению «нескольких, хотя и эфемерных, существований» [3, с. 343].

Разумеется, «цифровой абориген» / «цифровой житель» / «первопоселенец» таковым не рождается. Критерии отбора, навыки поиска, фильтрации и обработки информации, понимания компьютерной этики и безопасности и т. д. и т. п. формируются у него постепенно. Возможно, эти «аборигены» в социальных сетях и программах занимаются чем-то большим, чем просто обмениваются сообщениями, фотографиями, играют в компьютерные игры или просматривают видео определенных ютьюберов. Но действительно ли они знают, как *работать* в сети и пользоваться ее преимуществами? На деле зачастую «аборигены» оказываются некомпетентными в сложных цифровых технологиях. При этом они плохо воспринимают советы, рекомендации или технологические предложения со стороны старших. Между тем взрослый человек зачастую знает больше, так как имеет больше возможностей и опыта для различения полезного, бесполезного и пагубного, даже если ему (например, учителю или родителям) не хватает определенных технических навыков. В результате одних лишь технологических способностей оказывается недостаточно для формирования цифровых компетенций.

Tapscott (1998) уже более 20 лет назад говорил о цифровом поколении. Сегодня, основываясь на теории поколений Н. Хоу и У. Штрауса («Generations», «The Fourth Turning»), ученые выделяют различные поколения, относящиеся к эпохе цифровой революции: X, Y, Z и α (Альфа). Представители поколения X (1964–1980 гг.) в детстве и юности жили в аналоговом мире, а в зрелом возрасте стали современниками цифровой эпохи. Возможностями, предоставляемыми цифровой эпохой, «иксы» пользуются «по необходимости»

сти», в ограниченных пределах. Поколение Y (1981–1996 гг.), или «миллениалы», пришло в мир вместе с Интернетом (1982) и не мыслит без него свою жизнь. Следующее поколение Z (1997–2012 гг.) – iGen, постмиллениалы. Его представители с 11–12-летнего возраста не расстаются со смартфонами, которые заменяют им реальное общение и жизнь. Наконец, вступившее в жизнь в начале второго десятилетия XXI века поколение α уже едва ли не с двухлетнего возраста осваивает смартфоны, планшеты и другие гаджеты. Как справедливо отмечает отечественный учёный-педагог Кондаков А. М., сегодня маленькие дети, ещё даже не научившись говорить, способны осознанно пользоваться умными гаджетами. Например, дети от первого года жизни вполне могут разблокировать экран мобильного устройства, набрав нужную цифровую комбинацию, при этом не понимая и не осознавая значение цифр как таковых, и заняться поиском любимого мультфильма на площадке видеохостинга.

Итак, кто же сегодня учится в школьных классах? Какие студенты находятся в университетских аудиториях? Учителям школ приходится иметь дело с представителями поколения α. В университетах же сегодня преимущественно представлено поколение Z. Попробуем представить «цифровой портрет» этих студентов. Вероятно, мы имеем дело с субъектами, которые

- проводят часть своей жизни в сети, просматривая свои сетевые профили по нескольку раз в день;
- через сеть, а не в реальном пространстве, они устанавливают отношения, основанные на общих интересах, включая дружеские;
- с трудом отличают реальное от виртуального;
- принадлежат к различным виртуальным сообществам;
- нуждаются в получении оперативной и незамедлительной информации;
- их деятельность характеризуется многозадачностью;

- они воспринимают графические и аудиовизуальные сообщения лучше, чем текстовые, не любят читать длинные тексты или вникать в сложные реалии;
- хорошо справляются с гипертекстовой навигацией;
- им нравится учиться в игровой форме;
- чувствуют себя комфортно с цифровой идентичностью [17, с. 14].

Можно ли в быстро меняющемся цифровом мире обучать таких студентов на основе старых педагогических методик? Ответ напрашивается сам собой: если мы продолжим игнорировать новые тенденции, то будем говорить с «цифровыми аборигенами» на разных языках.

Образование как факт повседневности

Кажется очевидным, что на современном этапе образование должно поддерживаться цифровыми стратегиями. Это прекрасно понимают и на Западе, и в России. В нашей стране цифровая трансформация общества, включая сферу образования, рассматривается в качестве одной из приоритетных национальных целей развития. Это нашло отражение в ряде документов стратегического планирования: «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (2019), «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» (2017), «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (2016), и др.

Однако ситуация последних лет, связанная с пандемией коронавируса, показала, что процесс цифровой трансформации общества далек от завершения, а сфера образования не готова к резкому переходу в дистанционный режим работы с опорой на цифровые технологии. Это касается как недостаточной технической оснащённости многих школ, средних и высших учебных заведений, так и специальной подготовки преподавателей

и некоторых категорий студентов. Перестраиваться с офлайн формата на онлайн формат в ситуации пандемии пришлось, что называется, «на ходу». В ходе этой перестройки произошло перемещение образовательного процесса из специально оборудованных для ведения занятий помещений в «дом» – квартиры, общежития и прочие не институализированные локусы, не приспособленные для ведения занятий в классическом формате. Однако на достаточно продолжительное время образование онлайн стало неотъемлемой частью нашей повседневности.

Согласно словарному определению под повседневностью следует понимать «процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий» [6, с. 340]. Соответственно культура повседневности может быть определена как «система регулятивной человеческой деятельности, несущей в себе аккумулированный опыт быта и нравов в пространстве обыденной жизни индивида» [7, с. 143]. В числе прочих характеристик повседневности словарь по культурологии называет «противопоставление общедоступных форм деятельности высшим специализированным ее формам» [6, с. 340]. Образование и представляет собой одну из высших специализированных форм, связанную с производством и передачей знания.

Налицо парадокс, который, применив удачное выражение А. В. Дроздовой, можно назвать ситуацией «набегания» одной реальности на другую. Как пишет автор, «изменившийся эффект «присутствия» человека в мире, его одновременная принадлежность сразу двум мирам – реальному (офлайновому) и цифровому (онлайновому) – означает не только повседневное проживание в них, но и ценностно-смысловой переход внешнего во внутреннее, индивидуального в массовое, частного в публичное. При этом специфика цифровой среды начинает приобретать признаки самостоятельной реальности, влияющей на виды человеческой деятельности и практики повседневности в офлайновой

среде» [1, с. 98]. Это «набегание» онлайн среды на офлайн среду сопровождается «набеганием» сферы производства специализированных форм знания на сферу быта.

Разумеется, обучение на дому было и раньше: выполнение школьных уроков, подготовка к семинарским занятиям в вузе, домашнее обучение по индивидуальной программе и т. д. Оригинальность возникшей ситуации состояла в *массовом* переходе на дистанционное обучение на дому, иначе говоря, в его перенесение в пространство обыденной жизни. Вообще говоря, «область образования связана с культурой повседневности на уровне определенного набора знаний, которыми должны, по принятым стандартам, обладать все члены общества» [14, с. 286]. Особенность пандемийного форс-мажора состояла в том, что стала производиться трансляция *специальных* знаний, осуществляться *профессиональная* подготовка будущих специалистов в онлайн формате, включающая не только лекционные и семинарские занятия, но и защиту выпускных квалификационных работ. И здесь наблюдается совпадение с одной из ведущих тенденций цифровой цивилизации – перенос процесса получения профессиональных знаний *за пределы* школьных или университетских локаций, «когда все больше и больше людей будут учиться там, где они хотят, и учиться тому, что им интересно; когда традиционные образовательные учреждения будут поставлены перед дилеммой: либо качественно измениться, либо исчезнуть» [17, р. 19]. В случае офлайн образования обучаемый обязан покинуть пределы своего обыденного комфорта и вырваться из мира повседневности, который снабжен бытовыми и прочими рутинными хлопотами, для погружения в другой мир опыта. Феноменологи-социологи (А. Шюц, А. Бергсон), хоть и не совсем исключали взаимосвязь между миром повседневности и миром знания, считая, что повседневность – это всё же неисчерпаемая область опыта, однако осознавали, что мир знания находится на некоем другом уровне и не совсем идентичен миру повседневности.

Британский экономист Дэниел Сасскинд утверждал, что классическое или консервативное образование должно быть переформатировано в аспекте ответов на три вопроса: «чему мы учим?», «как мы учим?» и «когда мы учим?». Фактически речь идет не только о методах обучения, но и о конечной миссии образования. Сасскинд подчеркивает иррациональность обучения тем профессиям и навыкам, которые, очевидно, скоро потеряют свою актуальность. В частности, освоение тех профессий, которые блестяще выполняет искусственный интеллект – это бессмысленное действие, которое только вредит как обывателю, так и прогрессивному развитию общества в целом. Но можно ли предсказать, какие профессии в ближайшем будущем освоит современные машины? Это практически невозможно. Второй вопрос в рамках исследования британского экономиста – «как мы учим?». Критикуя консервативный подход обучения и способ построения традиционной образовательной системы в современных ВУЗах, Д. Сасскинд отмечает, что на «наряду с изменением преподаваемого материала, мы должны изменить и то, как мы его преподаём» [9, с. 218]. Абсолютно очевидно, что исследователь отдаёт некую долю предпочтения дистанционному обучению по ряду причин. Во-первых, в рамках передовых мировых ВУЗов дистанционное обучение отличается своей доступностью и более низкими ценами на обучение. Автор опирается на курс компьютерных наук известного стэнфордского профессора Себастьяна Труна, которому удалось собрать 314 тысяч студентов на онлайн обучение. Конечно, далеко не каждому студенту удалось успешно завершить своё обучение в рамках онлайн-курса, но в качестве неоспоримого плюса автор приводит в пример экономическую выгоду и доступность обучения у одного из самых передовых профессоров по части компьютерных наук. Помимо этого, Д. Сасскинд отмечает – как плюс дистанционного обучения – международную интеграцию и возможность привлечения и раскрытия потенциальных ученых из разных стран. Тут

исследователь приводит в пример откровение всё того же профессора из стэнфордского университета: изначально свой курс по информатике Себастьян Трун читал для двухсот студентов стэнфордского университета, а после произвёл набор онлайн учеников по всему миру в количестве 160 тысяч человек. И самое удивительное в этой истории то, что среди онлайн-студентов лучший студент Стэнфорда занял 413 место в рейтинге! Здесь Д. Сасскинд приводит цитату Себастьяна Труна из статьи в журнале Vice: «Боже мой, на каждого выдающегося студента Стэнфорда приходится 412 удивительно выдающихся, даже лучших, студентов в мире» [20]. Здесь, безусловно, стоит согласиться с тем фактом, что благодаря современным технологиям и внедрению дистанционного обучения возросла перспектива получить хорошее образование потенциальным гениям по всему миру. Однако насколько перспективно дистанционное обучение для всех остальных студентов, которые, скорее всего, не встанут в один ряд с потенциальными гениями? Ответ однозначен.

В ситуации «текущей современности», когда человек должен пребывать в состоянии перманентного обучения, совсем неудивительно, что домашнее или дистанционное образование становится актуальным как никогда, ведь человек не может на протяжении всей своей жизни с периодичностью в 10 лет поступать заново в ВУЗ и обучаться новым актуальным профессиям, которые заменяют старые формы деятельности. Именно эта проблема как раз затрагивается Д. Сасскингом в его заключительном вопросе – «когда мы учим?».

Пандемия COVID-19 столкнула человечество лицом к лицу с главными проблемами и вопросами об образовании, ведь подавляющее большинство стран было вынуждено перейти на дистанционный метод обучения, даже несмотря на некоторую несостоятельность в методах дистанционного опыта преподавания. Феномен масштабного перехода на сетевое пространство обучения вызвал шквал бурных обсуждений среди представителей гуманитарных наук. Абсолютно точно

можно обозначить некий разрыв шаблонов и возникшую проблему в связи с интеграцией образования в нашу обыденную жизнь. В связи с тем, что дистанционное обучение в условиях пандемии стало своего рода экспериментальной площадкой и прообразом всеобщей цифровизации образования, следует коротко рассмотреть его плюсы и минусы.

В качестве первого положительного момента следует указать на ускоренный переход к использованию цифровых технологий, освоения платформ для видеоконференцсвязи (Zoom, Microsoft Teams, Skype и др.), позволяющих проводить в онлайн формате учебные занятия, научные конференции и т. п. Быстроте, несомненно, способствовали уже имеющиеся технические знания и умения студентов, а также предпочтения, отдаваемые ими аудиовизуальным средствам коммуникации. Полученные навыки и компетенции и в будущей деятельности сыграют свою положительную роль.

Трудно не согласиться с А. В. Костиной в том, что «именно цифровые технологии и электронная информационно-образовательная среда в условиях функционирования вузов в «удаленном» формате в период пандемии стали для образовательных организаций единственной технологией, позволяющей реализовать учебные планы в полном объеме» [5, с. 53], не говоря уже о том, что режим самоизоляции позволил снизить распространение коронавируса.

Вместе с тем, неразрывно связанный с цифровизацией дистанционный формат образования обострил ряд проблем, которые давно уже находились в поле зрения научного и педагогического сообщества.

Изменения в функциях педагога

На протяжении многих веков педагог был главным, если не единственным, источником и передатчиком знаний. Сегодня в связи с появлением разнообразных источников информации эта функция отходит на второй план. А. М. Кондаков отмечает, что в связи с внедрением современных технологий авторитет

учителей в качестве неисчерпаемого ресурса информации претерпевает невероятный кризис. Сегодня роль транслятора информации на себя взял интернет и все устройства, которые к нему подключены. Беспрерывный поток информации, беспрепятственный и мгновенный к ней доступ ставит под сомнение эффективность учителя как личности, которая обладает труднодоступной информацией. Теперь современный пользователь интернета может заменить своего учителя поисковиком, сидя дома на своём уютном диване. Обучаемому больше не нужно обращаться в школу или в университет для просвещения. Теперь достаточно включить Википедию и при помощи звукового помощника, который предусмотрен расширениями вашего браузера, «прочитать» интересующую его информацию.

Как отмечает С. Н. Жаров, классическая модель образованности, которая была ориентирована на постижение глубоких истин и смыслов, заменяется инструментальной моделью, ориентированной на получение не знания, а информации. Информация – это только одна из проекций знания, которое всегда связано с пониманием. В связи с этим явлением может актуализироваться новая роль учителя в современной образовательной системе, которая заключается в навигации студента или ученика в этом бесконечном потоке информации. Подобный поток непрерывной нефильтрованной информации, который постоянно транслируется молодому человеку через сеть интернет, немецкий футуролог Герд Леонгард называет «цифровым ожирением», которое способно погубить человека бессмысленной информацией. Именно здесь роль преподавателя в образе информационного навигатора особенно может быть актуальной.

Однако роль преподавателя в обновленной схеме предстает в новом свете: нарушен традиционный зрительный контакт со студентами, отныне физическое присутствие студентов заменяется компьютерным монитором и дематериализованными студентами; ведь цифровая эпоха как таковая отличается своей главной чертой – тотальной дематериализа-

ций, в том числе и людей. Подобный формат полностью изменяет привычный лекционный ритуал и лишает преподавателя уверенности в трансляции знания. Как отмечает профессор, современные студенты избегают прямых встреч с руководителем и предпочитают лишь электронные переписки, «[...] когда я спрашиваю «почему?», они отвечают, что хотят, чтобы их вопросы были сформулированы идеально для того, чтобы получить идеальный ответ... Но мы не такие. Это алгоритмический взгляд на жизнь» [18].

Нельзя не признать, что цифровизация и дистанционный формат приводят к нарушению важнейшего принципа образовательного процесса – единства обучения и воспитания. И если цифровое обучение теоретически возможно (хотя и в значительной степени ущербно из-за отсутствия эмоционального контакта с педагогом), то «цифровое воспитание» – это своего рода «квадратура круга».

Изменения в положении и функциях студента

В условиях дистанционного формата эффективность учебного процесса в значительной степени зависит от добросовестности студентов. Образование переносится на просторы самостоятельного познания. Но вряд ли современные студенты готовы к подобной ответственности, в первую очередь, перед самими собой. «Одомашнивание» образования имеет и другие негативные последствия. Например, легкодоступность информации и её мгновенное получение по запросу лишает студента способности трансформировать информацию в знание. По сиюминутной потребности он обращается за ответом в интернет, черпает какую-то информацию и успешно забывает о ней уже на следующий день. Мозг отказывается запоминать легкодоступную информацию, ведь зачем что-то нужно запоминать, если к этому можно обратиться в любую секунду при помощи гаджета? Однако этот факт не мешает активизироваться сторонниками деактуализации образования в качестве незаменимого блага. В связи с развитием современных техно-

логий скептицизм по отношению к образованию, как социальному институту, растёт. Возможно, отчасти это обусловлено тем, что многие видные представители в сфере IT преуспели в становлении своих стартапов, не окончив высшее учебное заведение; несмотря на всю парадоксальность, но такие личности как Илон Маск, Марк Цукерберг, Стив Джобс, Билл Гейтс и многие другие так и не получили дипломы о высшем образовании. Тем не менее нельзя сказать, что перечисленные люди когда-либо отрицали факт необходимости образования как такого. Однако меняются поколения, и вместе с ними их кумиры. Сегодня изобретатели реже становятся образцами подражания для современной молодёжи, в основном кумирами детей сейчас являются блоггеры. В первую очередь привлекательным для поколения Z становится то, что их кумиры-блоггеры – это всё те же представители поколения Z, которые, не имея высшего образования, уже добились определенного успеха. В связи с этим в глазах многих детей и студентов роль образования в «успешности» занимает всё более скромное место. Теперь не знания, обучаемость и хорошие отметки в приоритете у детей, студентов (и не только), а лайки и количество подписчиков. Показательным здесь становится тот факт, что бессмысленные ролики набирают миллиарды просмотров в рамках социальных сетей. Если можно стать популярным, богатым и успешным, демонстрируя видеоролики, которые не несут в себе никакой смысловой нагрузки, без образования, тогда зачем к нему серьёзно относиться?

Важно иметь в виду и еще одно обстоятельство. Обратной стороной предоставляемой цифровыми технологиями условной свободы является возможность тотального наблюдения, учета и контроля. При помощи цифровых технологий формируется матрица цифрового мира с тенденцией измерить и оцифровать все и вся. Как замечает М. Ширманова, «возникает опасность появления экзистенциальной зависимости от начисляемых баллов, места в рейтингах, восприятие и переживание их значимости для жизни и судьбы

человека, эмоциональное, а не разумное отношение к ним» [15, с. 121]. А это напрямую связано с подавлением самобытности человека и формированием у него не творческого, а «машинного» мышления.

Безусловно, образование на сегодняшний день, как и все сферы человеческой жизнедеятельности, претерпевает небывалые изменения в связи с массовым внедрением современных технологий. Цифровизация стала главной причиной модификационных процессов в современном обществе. Можно

отметить, что цифровые технологии позволяют компактно разместить образовательные процессы в рамках домашней обстановки и не требуют выхода за пределы мира повседневности. Предугадать перспективу и направление трансформации образовательной системы на сегодняшний день кажется невероятно сложной задачей, однако абсолютно очевидным становится тот факт, что человечество стало на тропу тотальных трансформаций, которые несомненно радикально затронут и преобразуют образовательную систему.

Список литературы

1. Дроздова А. В. Концептуализация повседневности в эпоху цифровой культуры // Вестник Гуманитарного университета. 2018. № 2 (21). С. 96–104.
2. Жаров С. Н. Образование в потоке перемен: что значит «знать» и какому знанию мы учим // Вестник Воронежского государственного университета. Серия проблемы высшего образования. 2017. №1. С. 42–47.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. Москва: ГУ ВШЭ. 2000. 608с.
4. Кондаков А.М., Костылева А.А. Цифровое образование: от школы для всех к школе для каждого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2019. Т. 16. № 4. С. 295–307.
5. Костина А. В. Цифровизация образования: что мы получаем и что теряем? // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 1. С. 52–66.
6. Культурология. XX век. Словарь. Санкт-Петербург: Университетская книга. 1997. 640 с.
7. Кургузов П.В. Культура повседневности: к проблеме теоретического анализа феномена // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2014. С. 142–149.
8. Леонгард Г. Технологии против человека. Москва: Издательство АСТ. 2018. 320 с.
9. Сасскинд Д. Будущее без работы. Технологии, автоматизация и стоит ли их бояться / Пер. Яндекс. Переводчик (под ред. А. Дунаева)/. 2020. 352 с.
10. Тоффлер Э. Шок будущего/ пер с англ./ Москва: АСТ МОСКВА, 2008. 557 с.
11. Тоффлер Э. Третья волна. Москва.: Издательство АСТ. 1999. 261 с.
12. Фролова С. М., Листвина Е. В. Культура в эпоху цифровизации: социально-философское осмысление // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. Вып. 4. 409 с.
13. Четверикова О. Как цифровой мир меняет человека [Электронный ресурс]. URL: <https://view-w.ru/2017/05/06/kak-cifrovoj-mirmenyaet-cheloveka/>.
14. Шапинская Е.Н. Образование в пространстве культуры повседневности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 16 (811). С. 280–296.
15. Ширманова М. Цифровое общество: духовно-психологические аспекты // Будущее в настоящем: человеческое измерение цифровой эпохи: Материалы III Международной научной конференции «Гуманитарные Губкинские чтения»). Ч. 2. Москва: Издательский центр Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина. 2018. С. 111–116.

16. *Bauman Z.* (2002): *Modernidad líquida*. Barcelona: Paidós.
17. *Garcia Aretio L.* (2019). Necesidad de una educación digital en un mundo digital. RIED. Revista Iberoamericana de Educación a Distancia, 22(2), pp. 09-22. doi: [http:// dx.doi.org/10.5944/ried.22.2.23911](http://dx.doi.org/10.5944/ried.22.2.23911).
18. The Guardian/ Sherry Turkle: 'I am not anti-technology, I am proconversation' [Электронный ресурс]: https://www.theguardian.com/science/2015/oct/18/sherry-turkle-not-anti-technology-pro-conversation?CMP=fb_gu
19. *Chamorro T., y Frankiewicz, B.* (2019). Does Higher Education Still Prepare People for Jobs? Harvard Business Review. Recuperado de <https://hbr.org/2019/01/ does-higher-education-still-prepare-people-for-jobs>
20. *Laden T. M.* Werner Herzog Hacks the Horrors of Connectivity in "Lo and Behold" // Creators on Vice.com. 2016. 25 august
21. *Prensky M.* (2001) "Digital Natives, Digital Immigrants Part 1", On the Horizon, Vol. 9 Issue: 5, pp. 1-6, doi:10.1108/10748120110424816 Permanent link to this document: <http://dx.doi.org/10.1108/10748120110424816>
22. *Reeves T., y Reeves P.* (2015). Educational Technology Research in a VUCA World. Educational Technology, 55(2), 26-30.
23. *Schwab K.* (2016). *La cuarta revolución industrial*. Barcelona: Penguin Random House
24. *Schwab K., y Davis N.* (2018). *Shaping the Future of the Fourth Industrial Revolution*. London: Penguin Books.
25. *Tapscott D.* (1998). *Growing up digital*, Nueva York: McGraw- Hill.
26. *White D. S., y Le Cornu A.* (2011). Visitors and Residents: A new typology for online engagement. First Monday, 16(9). World Bank (2019). World Development Report 2019: The Changing Nature of Work. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1328-3.
27. *World Bank* (2019). World Development Report 2019: the Changing Nature of Work. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1328-3.

References

1. Drozdova A. V. Conceptualization of everyday life in the era of digital culture // Bulletin of the Humanitarian University. 2018. No. 2 (21). pp. 96–104. (In Russ)
2. Zharov S. N. Education in the stream of changes: what does it mean to "know" and what kind of knowledge do we teach // Bulletin of the Voronezh State University. A series of higher education problems. 2017. No. 1. pp. 42–47. (In Russ)
3. Castells M. *Information Age: Economics, Society, Culture*. Moscow: State University Higher School of Economics. 2000. 608 p. (In Russ)
4. Kondakov A.M., Kostyleva A.A. Digital education: from school for all to school for everyone // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Informatization of education. 2019. V. 16. No. 4. pp. 295–307. (In Russ)
5. Kostina A. V. Digitalization of education: what do we gain and what do we lose? // Knowledge. Understanding. Skill. 2021. No. 1. pp. 52–66. (In Russ)
6. *Culturology. 20th century Dictionary*. St. Petersburg: University book. 1997. 640 p. (In Russ)
7. Kurguzov P.V. Culture of everyday life: to the problem of theoretical analysis of the phenomenon // Problems of socio-economic development of Siberia. 2014 pp. 142–149. (In Russ)
8. Leonhard G. *Technology against man*. Moscow: AST Publishing House. 2018. 320 p. (In Russ)
9. Susskind D. The future without work. Technology, automation and whether to be afraid of them / Per. Yandex. Translator (under the editorship of A. Dunaev) /. 2020. 352 p. (In Russ)
10. Toffler E. *Future shock* / translated from English / Moscow: AST MOSCOW. 2008. 557p.

11. Toffler E. The Third Wave. Moscow: ACT Publishing House. 1999. 261 p. (In Russ)
12. Frolova S. M., Listvina E. V. Culture in the era of digitalization: socio-philosophical reflection // Bulletin of the Saratov University. New series. Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2019. Vol. 19. Issue. 4. 409 p. (In Russ)
13. Chetverikova O. How the digital world changes a person [Electronic resource]. URL: <https://view-w.ru/2017/05/06/kak-cifrovoy-mirmenyaet-cheloveka/>. (In Russ)
14. Shapinskaya E.N. Education in the space of culture of everyday life // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences. 2018. Issue. 16 (811). pp. 280–296. (In Russ)
15. Shirmanova M. Digital society: spiritual and psychological aspects // The future in the present: the human dimension of the digital era: Proceedings of the III International Scientific Conference “Gubkin’s Humanitarian Readings”. Part 2. Moscow: Publishing Center of the Russian State University of Oil and Gas named after I.M. Gubkin. 2018, pp. 111–116. (In Russ)
16. Bauman Z. (2002): *Modernidad líquida*. Barcelona: Paidós.
17. Garcia Aretio L. (2019). Necesidad de una educación digital en un mundo digital. RIED. Revista Iberoamericana de Educación a Distancia, 22(2), pp. 09-22. doi: <http://dx.doi.org/10.5944/ried.22.2.23911>.
18. The Guardian/ Sherry Turkle: ‘I am not anti-technology, I am proconversation’ [Electronic resource]: https://www.theguardian.com/science/2015/oct/18/sherry-turkle-not-anti-technology-pro-conversation?CMP=fb_gu
19. Chamorro, T., y Frankiewicz, B. (2019). Does Higher Education Still Prepare People for Jobs? Harvard Business Review. Recuperado de <https://hbr.org/2019/01/does-higher-education-still-prepare-people-for-jobs>
20. Laden T. M. Werner Herzog Hacks the Horrors of Connectivity in “Lo and Behold” // Creators on Vice.com. 2016. 25 august
21. Prensky, M. (2001) “Digital Natives, Digital Immigrants Part 1”, On the Horizon, Vol. 9 Issue: 5, pp. 1-6, doi: 10.1108/10748120110424816 Permanent link to this document: <http://dx.doi.org/10.1108/10748120110424816>
22. Reeves, T., y Reeves, P. (2015). Educational Technology Research in a VUCA World. Educational Technology, 55(2), pp. 26-30.
23. Schwab, K. (2016). *La cuarta revolución industrial*. Barcelona: Penguin Random House
24. Schwab, K., y Davis, N. (2018). *Shaping the Future of the Fourth Industrial Revolution*. London: Penguin Books.
25. Tapscott, D. (1998). *Growing up digital*, Nueva York: McGraw- Hill.
26. White, D. S., y Le Cornu. A. (2011). Visitors and Residents: A new typology for online engagement. First Monday, 16(9). World Bank (2019). *World Development Report 2019: The Changing Nature of Work*. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1328-3.
27. World Bank (2019). *World Development Report 2019: the Changing Nature of Work*. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1328-3.

*

Поступила в редакцию 26.05.2022